
ЭНИГМОПОРОЖДАЮЩАЯ ФУНКЦИЯ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО АССОЦИАТА

Е.А. Денисова

Кафедра русского языка филологического факультета
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ломоносовский просп., 31/1, Москва, Россия, 119192

В статье анализируется принцип мотивационной связи предметов в русских загадках. В центре внимания автора — синтагматическая общность двух субстантивов и причины их контаминации.

Загадка представляет собой намеренно трансформированное описание реальности. Но у этой трансформации всегда есть мотивировка. Принцип существования загадки — сознательная зашифрованность отношения означающего загадки (текста загадки, или энigmatора) к означаемому загадки (отгадке, или энigmatу).

Для моделирования мира загадки, помимо выявления энigmatов и энigmatоров, важно выделение «семантических мотивационных моделей» (термин С.М. Толстой), т.е. того семантического фактора, который определяет мотивационные отношения энigmatора и энigmatата. Мотивационные связи, существующие в языке и направляющие категоризацию внешнего и внутреннего миров человека, характеризуют структуру ментального мира социума [8. С. 119]. Человек подмечает подобие между предметами и явлениями, и это подобие становится в загадке базой связи энigmatата и энigmatора.

Информация о мире, извлекаемая из внутренней формы слова, отвечает на вопрос, *какой* мотивационный признак положен в основу номинации стоящего за ним фрагмента действительности. Этот мотивационный признак может быть сопряжен и с реальным свойством обозначенного явления, и с приписанным ему творческим сознанием носителей языка. При этом реальное свойство может отображаться как в режиме констатации (*колючка, продыривить*), так и в режиме проекции (*ежевика, изрешетить*) [10]. Творческий подход сознания к действительности основан на установлении подобия (сходства) ее разных и различных фрагментов. В соответствии с этим имена явлений объединяются в нашем сознании на том основании, что объединяются воспринимаемые вещи, стоящие за этими именами.

Мотивационные семантические модели в загадках могут быть представлены именем существительным (*Не кузнец, а с клещами — рак*), числительным (*Пять чуланов, одна дверь — перчатки*), глаголом (*Сидит на ложке, свесив ножки — лапша*) и именем прилагательным (*Сам алый, сахарный, кафтан зеленый, бархатный — арбуз*). Некоторые загадки имеют несколько мотиваторов, например: *Серое сукно тянется в окно* (дым). Сравнение сукна с дымом мотивируется прилагательным *серое* и глаголом *тянется*.

Согласно концепции Ф. де Соссюра, слово как знак (субститут фрагментов действительности) является двусторонней сущностью, единством означающего (акустического образа) и означаемого (понятия, т.е. ментального образа). В одних знаках мотивационные отношения между означаемым и означающим отсутствуют, в других, мотивированных, они наличествуют. При этом означающее может быть как полностью мотивированным (*дворняга* — ‘собака, живущая во дворе’), так и частично, если речь идет о переносном значении слова (*шелковые волосы*) или о производном слове с так называемой «периферийной мотивацией» (*госпитализировать, кашевар*).

Наиболее распространенный способ кодирования предмета в загадке — метафора, при котором имя одного предмета заменяется именем другого, сопряженного с первым по определенным ассоциативным признакам. В метафорической загадке сосуществуют два денотата (референта): это основной субъект метафоры, соотносимый с денотатом имени отгадки, т.е. с энигматом, и вспомогательный субъект метафоры, соотносимый с денотатом энигматора. За именем-отгадкой стоит загаданный объект (энигмат), за энигматором — объект, с которым энигмат связан ассоциативно, на который он спроецирован (т.е. его ассоциат).

Энигмат может быть соединен с ассоциатом слабой ассоциативной связью, когда общие свойства (модусы) двух объектов неочевидны по причине либо их периферийности для самих объектов, либо невозможности: *Сивая свинья на дубу гнездо свила, детки — по веткам, а сама — коренёк* (горох), *Зеленая река, двадцать два рыбака, на реке две сетки, а уловы редки* (футбол), и сильной ассоциативной связью, когда общность объектов очевидна и не требует особого ментального напряжения: *Белоснежный парашют волны к берегу несут* (медуза); *Слоненок на колесиках ковер почистит носиком* (пылесос); *Не огонь, а жжется* (крапива).

Изучение ассоциативных связей слов имеет давнюю традицию (Н.В. Крушевский, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, Ю.Н. Караулов). Н.В. Крушевский связывал систему языка с процессами типизации — способностью человеческого мышления классифицировать и обобщать предметы и явления. Рассматривая проблему усвоения лексического запаса языка, автор отмечал, что обычно человек не запоминает и не припоминает слово само по себе и что «каждое слово связано с другими словами узлами ассоциации по сходству; это сходство будет не только внешнее, т.е. звуковое или структурное, морфологическое, но и внутреннее, семасиологическое» [1. С. 144]. Благодаря этому закону слова укладываются в нашем уме в определенные системы и гнезда. Привычку употреблять какое-либо слово чаще в сочетании с одним, нежели с другими словами, Н.Д. Крушевский определяет как «ассоциацию по смежности», вследствие которой слова выстраиваются в синтагматические ряды. Например, слово *снимать* возбуждает в памяти слова *одежду, обувь, стресс, на камеру* и т.д.

Закономерности нормативной сочетаемости слов в речи являются основой синтагматики. Синтагматические отношения определяют связи слов, одновременно существующих в линейном ряду, т.е. в пределах одного и того же рече-

вого отрезка (отношения «и-и»). Им противопоставлены парадигматические отношения — взаимоисключающие отношения между единицами языка, определяющие выбор одного из них в конкретном акте речи (отношение «или-или»). Главной операцией, которую предполагает парадигматическая группировка слов, следует считать операцию выбора соответствующей определенному речевому заданию лексико-семантической единицы. Взаимоотношение базовых типов связей единиц языка Ф. де Соссюра сформулировал так: «С одной стороны, слова в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [7. С. 121].

Проводящиеся в последнее время интенсивные исследования в области ассоциативного эксперимента, активно вводят понятия парадигматического и синтагматического типов ассоциаций. Синтагматическая близость (ассоциация по смежности в терминах Крушевского) отображает частотность совместной встречаемости слов. Данный тип ассоциации объединяет слова, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула: *Небо — голубое, машина — едет, музыка — звучит, одежда — снимать*. Парадигматическая ассоциация (ассоциация по сходству) связывает внеязыковые элементы в силу общности их формы, содержания или на основе того и другого одновременно и определяет принадлежность слова к одному грамматическому классу: *стол — стул, отец — мать, голубое — синее, вода — жидкость*. Если сравнить загадку с ассоциативным экспериментом, то можно сказать, что энigmatator загадки отображает ассоциаты, а энigmat — то, что в ассоциативном эксперименте выступает как стимул. С этой точки зрения, загадка может быть интерпретирована как обращенный, перевернутый ассоциативный эксперимент: стимул задан по возможным ассоциативным реакциям на него. Поэтому загадка актуальна для изучения в свете ассоциативного эксперимента, уже проведенного народной культурой.

Л.О. Чернейко ввела понятие «синтагматический ассоциат» для определения глагола (а также прилагательного), входящего в зону сочетаемости двух субстантивов и обеспечивающего их контаминацию в речи [11]. Для загадок, в основе которых лежит синтагматический ассоциат, обязательны: 1) внутренняя форма (мотивация) энigmatатора и 2) разграничение двух планов мотивации — ономасиологического (т.е. общности смысла при различии лексического воплощения: *Не кузнец, а с клещами — рак; Зубасты, а не кусаются — грабли*) и семасиологического (общности конкретного глагола, с которым сочетаются два имени, даже если глагол реализует в этих сочетаниях различные значения). Например, в загадке *Горбатый кот бабе плечи трет* (коромысло) соединены разные ситуации. Кот может быть на плечах у бабы (это ситуация 1), а может тереться около ее ног (ситуация 2), но кот, трущий бабе плечи, — это контаминация (от лат. conta-

minatio — смешение, объединение языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости [2. С. 238]) двух прототипических ситуаций, создающая ситуацию либо уникальную, либо просто невозможную, абсурдную.

Исследуя современную загадку, можно отметить преобладание семасиологической мотивации сближения предметов. «Обозначая признаки (свойства) предмета, глагол и имя прилагательное отделяют признак от его носителя, что создает предпосылку мышления об объекте, которое воплощается в предикативных структурах. При этом предикаты создают иллюзию существования признака отдельно от его носителя — фрагмента физического мира, обозначенного субстантивом. Общий предикат, соответствующий наивной, а не научной логике освоения мира, является основанием для самых отдаленных ассоциаций, границы которых не очерчены ничем, кроме ресурсов языка» [9. С. 451].

Е.Д. Поливанов выделил два типа загадок. В первом типе искомым оказывается предмет, способный удовлетворить загаданному признаку, при этом ассоциативная нить (мотивировка) заключена в задании. Во втором типе оба связываемых предмета уже даны и искомым является сама ассоциативная связь — мотив сравнения. В загадках этого типа вопрос и ответ формально объединены в одно целое [5]. Загадки первого типа включают такие способы кодирования предмета (подтипы), как метафора (*Маленький погребец, два ряда ящ — зубы, Ни окошек, ни дверей, полна горница людей — огурец*), метонимия (*В маленьком амбаре держат сто пожаров — спичка, По лесу жаркое в шубе бежит — заяц*), сравнение (в отличие от второго типа, в энигматоре представлен только один объект: *Не кузнец, а с клещами — рак, Кругла, а не девка, желта, а не масло, с хвостом, а не мышь — репа*) и описание. В последнем подтипе кодирующая часть может быть построена только на констатации качественных характеристик объекта (цвет, форма, размер и т.д.), а используемые имена прилагательные в большинстве случаев являются словами мотивированными, несущими реальную информацию о скрытом предмете: *Сам алый сахарный, кафтан зеленый, бархатный — арбуз, Маленько, кругленько, из тюрьмы в тюрьму скачет, весь мир обскачет, ни к чему сама не годна, а всем нужна* (копеечка — деньги).

Ко второму типу загадок можно отнести «загадки-сравнения», которые подразделяются на два подтипа:

1) в основе сближения отдаленных вещей лежит общность предиката имени загаданного и того, которое подлежит отгадке: *С чем можно сравнить бездельника?* Ответ: *С бумажным фонарем* — аргумент: *Оба без толку болтаются; С чем можно сравнить водяное колесо (для орошения полей)?* Ответ: *С полицейским* — аргумент: *Это потому что оба мокрые и вертятся* [5. С. 371—374];

2) в основе сближения вещей может лежать принцип семантической валентности обозначающих их слов. В современном языкознании валентность понимается как общая сочетательная способность слов [2. С. 80]. В связи с загадкой можно говорить о лексической валентности, которая связана с семанти-

кой слова. Образую определенное семантическое единство, значения многозначного слова связаны на основании сходства реалий (по форме, внешнему виду, цвету, ценности, положению, также по общности функции) или смежности, в соответствии с чем различают метафорические и метонимические связи значений [2. С. 382]. В качестве примера можно привести загадку из работы Поливанова: *С чем можно сравнить невесту из аристократии?* Ответ: *С бумажкой в 100 йен* — аргумент: *Потому, что (ни то, ни другое) не достанется бедняку* [5. С. 372]. Судя по загадке, аристократ в культуре японцев ассоциируется с богатством, а большая сумма денег — с купюрой в 100 йен. Составляя одно целое по параметру недостижимости, они противопоставлены бедному человеку.

Особый интерес представляют именно те загадки, где различительную или объединяющую роль играет предикат. При этом разные значения одного глагола (прямое и переносное) выявляют сложившуюся в культуре аналогию между различными вещами, базирующуюся на общности сочетаемости их имен.

Способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности представляет собой лексическую полисемию. Например, глагол *говорить* входит в парадигматическую цепочку, общим семантическим признаком которой является архисема ‘сообщать информацию’. Стандартное представление о языке как инструменте говорения снято, в результате чего любой источник информации мыслится как говорящий. На этом основании значение предиката в загадке *Без языка говорю (часы)* дает возможность, приписав неживому предмету антропологические функции, сравнить его с человеком.

В загадке *Маленькая собачка весь дом стережет (замок) собака* послужила именем для замка, потому что она также сторожит хозяйское добро, как и запертая на замок дверь. База синтагматической общности имен *собака* и *замок* на поверхностном уровне реализована сочетаемостью с глаголами-синонимами *охранять* и *сторожить* (это идеографические синонимы). Глаголом *сторожить* вряд ли обозначается функция замка. Он запирает (закрывает), чтобы охранять дом (имущество). Собака же действительно сторожит дом. Таким образом, ассоциация объектов действительности по их функциям на языковом уровне (в данном случае — в тексте загадки) выражается глаголом *сторожить* (мотивационной базой энигмата).

Рассмотрим загадку *Не живые, а пищат (ворота)*. В стандартном представлении человека пищать могут только живые существа. Слово *пищать* в [4] определяется через слово *писк* («очень тонкий крик, звук») и лексикографически приравнивается к слову *скрипеть (скрип* — «резкий звук, возникающий при трении»). Их общая сема — ‘характер звука, определяющийся источником звука’, причем оба эти звука «жалостные» для слуха, хотя эта негативная интерпретация слов никак не отражается в загадке.

В сознании носителя языка оказываются семантически связанными те реалии внешнего мира, между которыми устанавливается некоторое содержательное сходство по тому или иному признаку (свойству, функции). В загадке *Не огонь, а жжется (крапива)* семантическое единство представлено глаголом

жечь, который мотивирует сравнение крапивы с огнем, подчеркивая их общее свойство — производить ожог или ощущение ожога. Сходство предметов по их свойствам и функциям обнаруживается в следующих загадках: *Не драгоценный камень, а светит* (Лед); *Ума нет, а хитрее зверя* (Капкан); *Горбатый кот бабе плечи трет* (Коромысло) и т.д. *Пустое стоит, полное ходит* (Обувь).

Загадки, созданные в новое время и представленные в виде вопроса, ориентированы не на предмет, а на его признак или на определенное условие его реализации в конкретной ситуации. Значительно большая часть вопросов имеет развлекательный (и отчасти социализирующий) характер и относится к игровым загадкам.

Современные загадки представляют собой второй тип (по Поливанову), где предикат объединяет два уже данных в вопросе объекта:

1. *Что общего между деньгами и гробом? (И то и другое сначала заколачивают, а потом спускают.)* Первичные и вторичные значения глаголов *заколачивать* (много и активно зарабатывать) и *спускать* (полностью растратить) объединяют совершенно разные предметы, имена которых сочетаются с этими глаголами.

В данной группе загадок встречаются предикаты, которые отличаются лексическим планом выражения их значения. В них можно встретить и собственно омонимы, и омофоны, и омоформы, например: *Чем отличается рыба-пила от русского мужика? (Рыба пила, а русский мужик пил, пьет и будет пить)* — омоформ существительного *пила* (стальная зубчатая пластинка для разрезания дерева) и прошедшего времени глагола *пить*; *Что общего между пьяницей и углом? (Чем больше градусов, тем тупее)* — омонимия прилагательного *тупой* в значениях (два значения: свидетельствующий об умственном ограничении и угол, больше прямого угла) и существительного *градус*.

2. Существуют загадки-сравнения, где предикат имеет одно значение (прямое), а комический эффект создается изменением последовательности действий: *Чем лошадь отличается от иголки? (На иголку сначала сядешь, потом подпрыгнешь, а на лошадь сначала подпрыгнешь, потом сядешь)*.

3. Сближение объекта на основе семантической валентности (т.е. потенций сочетаемости языковых элементов) представлено в следующих загадках: *Какая разница между прекрасной музыкой и прекрасной женщиной? (Первую можно слушать часами)*. Ассоциат «музыка-женщина», возникший на синтагматической основе (на базе общности прилагательного *прекрасная*), укрепляется общностью глагола *слушать*, который входит в сочетаемость ассоциированных имен. Таким образом, синтагматический ассоциат эксплицирован и в вопросе-загадке, и в ответе-отгадке.

Таким образом, синтагматическая ассоциация позволяет сближать денотаты отгадки (энигмата) и собственно текста загадки (энигматора) посредством общих признаков (предикатов). В основе сближения отдаленных вещей, закодированных в загадке, может лежать как общность глагола, входящего в сочетаемость имен энигмата и энигматора, так и их семантическая валентность (способность вступать в комбинации с другими элементами).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Крушевский Н.В.* Избранные работы по языкознанию. — М., 1998.
- [2] Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
- [3] *Белянин В.П.* Введение в психолингвистику. — М., 1999.
- [4] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. — М., 1998.
- [5] *Поливанов Е.Д.* Формальные типы японских загадок. — Петроград, 1918.
- [6] Русское культурное пространство. — М., 2004.
- [7] *Фердинанд де Соссюр.* Курс общей лингвистики. — М., 1933.
- [8] *Толстая С.М.* Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1(3).
- [9] *Чернейко Л.О.* Гипертекст как лингвистическая модель художественного текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII-й международной конференции. — М., 1999.
- [10] *Чернейко Л.О.* Изучение лексической системы русского языка с позиции когнитивной семантики. — М., 2005.
- [11] *Чернейко Л.О.* Синтагматический ассоциат как текстопорождающий фактор детской речи // Проблемы онтолингвистики — 2007. — СПб., 2007.

ENIGMA GENERATING FUNCTION OF SYNTAGMATIC ASSOCIATION

E.A. Denisova

Russian Language Department of Philological Faculty
Moscow State University by name of M.V. Lomonosov
31/1, *Lomonosovsky prosp.*, Moscow, Russia, 119192

In the article the principle of motivating bounds of objects in Russian riddles is under analyses. Syntagmatic similarity of two substantives and reasons for their contaminations are also studied.